

СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭСТЕТИЗМА

Вандышева-Ребро Н.В. (г. Харьков)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности эстетизма как воплощения философского принципа тождества мышления и бытия в произведениях социально-политического и литературно-художественного содержания; обнаруживается целая гамма трансформаций принципа, продуцирующая появление произведений, в которых может преобладать как эстетизм, так и утопизм либо антиутопизм.

The article examines the features of esthetics as embodiments of philosophical principle of identity of thought and life in works of socio-political and literary maintenance; it reveals the whole gamut of transformations of principle, producing appearance of works, in which both estetizm and utopizm or antiutopizm can prevail.

Ключевые слова

ЭСТЕТИЗМ, РЕАЛИЗМ, УТОПИЗМ, ПЛАТОНИЗМ, КОММУНИЗМ, УНИФИКАЦИЯ, ДИВЕРСИФИКАЦИЯ, СОЦРЕАЛИЗМ, ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМ, СУБЪЕКТИВИЗМ, ПЛЮРАЛИЗМ.

Введение

Существенное качество жизни – стремление к сохранению многообразия наличных форм, а отсюда вполне естественно и культивируемое в обществе многообразие форм человеческого поведения и деятельности. Ряд представителей науки и искусства полагают, что это многообразие может быть управляемым и поощряемым. В то же время противостояние сторонников нивелляторской линии и диверсификаторов в обсуждении проблематики плюрализма, усиливает интерес к ней художников, писателей, политических деятелей и иных. Тем более что и сегодня актуальна постановка принципиальных вопросов, связанных с оценкой перспектив общественного развития, перспектив развития самого человека. Выход порой видят в существенном сужении ареала приложения человеческих сил и способностей, нацеленных на материальное преобразование окружающего нас мира, в ограничении appetitов человека-потребителя. А посему перспективную трансформацию общества сторонники такого подхода видят в воплощении наличных сил и способностей в интеллигентные объекты и соответствующую культуру. Отсюда, закономерной представляется тенденция к осмыслению и уточнению сущности реалистического подхода, направленного на описание существующей реальности. При всей благонамеренности творцов реалистических образов, воплощённых либо в произведениях

художественной литературы, либо в произведениях изобразительного жанра, в подавляющем большинстве этих образов можно обнаружить весьма существенный налёт субъективизма, волюнтаризма, иллюзий, а то и попросту безудержных фантазий и мечтательства.

Цель статьи:

Поскольку субъективизм, мечтательство и пр. могут выступать как в положительном, так и в негативистском обличье, здесь открывается обширное пространство для осмысления реалистического образотворчества сквозь призму принципа тождества мышления и бытия. Собственно такое осмысление и является основной целью настоящего исследования.

Обсуждение проблемы

Проблема реализма – это извечная проблема философского постижения мира, поскольку понятия «реализм» – «реалии» – «реальность» акцентируют внимание исследователя на существенном, на сущности или на подлинности существующего. Не менее актуальна и проблематика эстетизма или эстетства в литературоведении, исследующем степень достоверности художественного мира, описываемого писателем или публицистом, относительно мира действительного, во всё многообразие частностей которого погружён художник в реальном своём бытии. Проблематику реализма как мировоззренческой установки и художественного метода исследовали признанные писатели-классики и литературоведы В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, П.В. Анненков, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.В. Вересаев, В.Г. Короленко, А.М. Горький, Д.Н. Овсянко-Куликовский, Дж. Оруэлл, Г. Гессе и многие другие. В то же время и эстетизм как явление литературного творчества также достаточно глубоко и критически исследовали, преимущественно рассматривая вне рамок реалистического восприятия действительности. Почему же эстетизм и реализм выступают как направления, скорее, несовместимые? В «Краткой литературной энциклопедии» (1971) определено: «**Реализм** – художественный метод, согласно которому задача литературы и искусства состоит в изображении жизни как она есть в образах, соответствующих явлениям самой жизни, создаваемых посредством приёмов типизации фактов действительности. Утверждая значение литературы как важнейшего средства познания человеком себя и окружающего мира, реализм стремится к раскрытию сущности жизненных явлений, к широкому охвату действительности с присущими ей противоречиями, признаёт право художника освещать все стороны жизни без ограничения тем и сюжетов» [1, 206]. Приведенное определение вызывает желание сделать соответствующие выводы. Тезис «изображение жизни как она есть» предполагает однозначное прочтение, но этот элемент важен для творческой личности. Ведь практически одну и ту же жизнь изображают разные люди по-разному,

что определяется мировоззренческими предпочтениями, уровнем образования, занимаемой ступенькой в иерархии взаимоотношений. Одно и то же событие по-разному видится стороной господствующей и стороной зависимой. Неоднозначно прочтение и тезиса «... создаваемых посредством приёмов типизации фактов действительности», поскольку важно, как возникли и кем санкционированы приёмы типизации. Опыт отечественной литературы свидетельствует о том, как легко прививаются на литературную почву стереотипы и штампы, которые могут быть интерпретированы как некие рабочие приёмы. Неоднозначен и тезис «... реализм стремится к раскрытию сущности жизненных явлений». Здесь декларируется скорее намерение писателя или художника, и, очевидно, и самого дававшего определение реализма А.А. Аникста – русского советского литературоведа, доктора искусствоведения, исследовавшего историю английской и американской литературы, западноевропейского театра и эстетики. Актуален и тезис о том, что реализм стремится «... к широкому охвату действительности с присущими ей противоречиями». Можно выделить ещё и «... право художника освещать все стороны жизни без ограничения тем и сюжетов». Такого рода право чаще всего существовало (а во многом и сегодня существует) как возможность, но не как реальность, хотя бывают исключения. Таким образом, оказывается, что в определении понятия реализма как художественного метода существует ряд неоднозначно воспринимаемых моментов, что заставляет задуматься над вещами более фундаментальными, чем только художественное творчество.

Само содержание понятия реализм в художественном творчестве размывается рядом реализмов, среди которых просветительский, критический, социалистический, античный реализм Возрождения, английский, мифологический, фантастический и т.п. Г.А. Гуковский в 1946-1949 гг. заметил: «Реалистический стиль, то есть особый вид мировоззрения в искусстве, особая система творческого восприятия действительности и творческой активности, направленной на действительность, этот стиль, возникший в недрах романтизма, явившийся необходимым историческим преемником романтизма... отделился идеологически от своего предшественника, самоопределился, выявил своё принципиальное отличие от родившего его романтизма, стал новым *качеством* искусства» [2, 5]. В приведенном определении подчёркнут именно тот момент, который выпал или, скорее, завуалирован в определении реализма А.А. Аникста. Во-первых, – это «особый вид мировоззрения в искусстве», т.е. особый подход к восприятию и оценке явлений и вещей. Во-вторых, – это «особая система творческого восприятия действительности и творческой активности, направленной на действительность», т.е. активно-преобразовательное отношение к действительности. И это роднит реализм с предшествовавшим ему, как полагают многие, в том

числе и Гукковский, романтизмом. Но это разночтение открывает перспективу правомерности и «законности» эстетизма и утопизма в искусстве. В «Словнику української мови» (1971) определено: **«Естетизм ... 1.** Надмірна пристрасть до ефектних зовнішніх форм у мистецтві і нехтування ідейним змістом; формалізм в естетиці... **2.** Схильність до краси, до чого-небудь естетичного» [3, 488]. Практически то же читаем и у С.И. Ожегова (1986): **«Эстетизм. 1.** В искусстве: увлечение эффектными внешними формами в ущерб идейной стороне произведения. **2.** Склонность к красоте, к эстетическому (устар.)» [4, 791]. Как видно из приведенного, эстетизм является «творческим восприятием действительности» и не чужд творческой активности.

Однако идеологические предпочтения эпохи развитого социализма потребовали изменить и понимание того, что есть эстетизм и эстетство. Конкретно это выглядело так, что «увлечение эффектными внешними формами в ущерб идейной стороне произведения» трансформировалось в „суб’єктивно-ідеалістичний підхід до мистецтва як до предмета витонченої насолоди, доступного нібито лише обраній частині (еліті) буржуазного суспільства. Естетство розглядає мистецтво у відриві від дійсності, надає перевагу формі над змістом. Для нього характерні проповідь безідейності і аполітичності. Філософсько-етичною основою естетства є ідеалістична теорія „мистецтва для мистецтва”” [5, 54]. Существенное различие в определениях демонстрирует также существенную трансформацию представлений о реализме, вызванных изменившимся отношением к роли литературы в новых исторических условиях. Для периода 1970-х годов творческая активность в искусстве уже не поощрялась. Здесь, как мы видели выше, по определению допускается не более, чем стремление «к раскрытию сущности жизненных явлений» с партийных позиций. Целесообразно обратиться к философско-методологическому содержанию понятия реализм, так как именно история философии преподносит нам важные уроки. Итак: **«Реализм** (от позднелатинского *realis* – вещественный, действительный), философское направление, признающее лежащую вне сознания реальность, которая истолковывается либо как бытие идеальных объектов (Платон, средневековая схоластика), либо как объект познания, независимый от субъекта, познавательного процесса и опыта (философский реализм 20 в.)» [6, 569]. Отсюда становится более понятным недосказанное литераторами в определении реализма в художественном творчестве. «Изображение жизни как она есть» обретает так недостающий ему аспект субъективизма. Ведь творение образа – это процесс трансформации различающегося, различного, многообразного, и где-то противоречивого, в некую целостность, чувственно воспринимаемую как *возможная* реальность. «Сущность жизненных явлений» для литератора-реалиста представляется также двояко. Одно дело, когда он сам пребывает внутри этих жизненных

явлений, пребывает как деятельный участник. Тогда его творческий пафос может подвинуть к предельному реализму-натурализму, который суть не что иное как документалистика, как репортаж. И совсем другое дело, когда литератор находится вне и над жизненными явлениями, когда он вынужден домысливать суть происходящего, руководствуясь своими собственными представлениями о цели и направленности происходящего, особенно в жизни общества.

Сказанное выше, позволяет определить содержание понятий эстетизм и утопизм, а также и вычленить идею совершенства как один из существенных движущих мотивов реалистических построений. Таким путём оказывается возможным как обратиться к весьма отдалённым истокам, например, к образам и идеям античности, так и к идеям и образам сравнительно недавнего прошлого, продуцируемым, например, литературой XIX в. Эстетизм в искусстве как раз и выступает яркой демонстрацией того, как мысль претендует на то, чтобы стать реальностью. Философы, социологи, политики и писатели часто выступают с идеями усовершенствования мира, а то и дают рецепты того, как создать мир совершенный, т.е. идеальный. Достаточно обратиться к работам Платона, чтобы увидеть, как это осуществляется мыслителем, творцом проекта идеального общества. Платон размышляет о философе – правителе совершенного государства, который способен общаться с божественным началом. Уповая на известную корреляцию мысли и бытия, Платон замечает, что «... тому, кто действительно направил свою мысль на бытие, уже недосуг смотреть вниз, на человеческую суету и, борясь с людьми, преисполняться недоброжелательства и зависти. Видя и созерцая нечто стройное и вечно тождественное, не творящее несправедливости и от неё не страдающее, полное порядка и смысла, он этому подражает и как можно более ему уподобляется» [7, 305]. Общение с божественным и упорядоченным, по мысли Сократа (ибо это он выступает в диалоге главным участником), делает и философа упорядоченным и божественным в меру человеческих сил. А посему, философ вполне может, в случае необходимости «... позаботиться о том, чтобы внести в частный и общественный быт людей то, что он там (в бытии. – Н. В.-Р.) усматривает» [там же]. Но квинтэссенция идеи-утверждения Сократа-Платона состоит в следующем: «... Никогда, ни в коем случае не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образцу» [там же, 306]. Что же касается способа начертания, то рецепт готов. Вслушаемся в слова мыслителя: «Взяв, словно доску, государство и нравы людей, они сперва очистили бы их, что совсем нелегко. Но, как ты знаешь, они с самого начала отличались бы от других тем, что не пожелали бы трогать ни частных лиц, ни государства и не стали бы вводить в государстве законы, пока они не получили бы его чистым или сами не сделали бы его таким» [там же]. Понятно, что дальше придётся создавать уже и прообраз

соответствующего идеальному государству человека, да и человека «по образу и подобию» прообраза.

Н.В. Гоголь в своих проектах будущего устройства российского общества не очень уповал на философов, но уповал на поэтов, вспоминая А.С. Пушкина: «Слова поэта суть уже его дела». «Пушкин прав, – заметил Гоголь. – Поэт на поприще... Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело» [8, 230]. Замечание Гоголя несёт в себе нечто существенное, а именно, зерно уверенности в том, что к словам поэта прислушаются, что ими будут руководствоваться как гласом божественным! Верой во всемогущие мысли-истины, дышат рассуждения молодого, двадцати с небольшим лет А.П. Платонова, когда в эссе «О любви» он пишет: «Если чувства, которые гораздо древнее мысли, уже нашли общую, уравнивающую их в мире точку в форме наслаждения, то мысль ещё не твёрдо стоит в мире, мысль, так сказать, не сбалансирована с природой, и от этого происходит всякая мука, отравы и порчи жизни» [9, 651]. Казалось бы, что в этих словах скрывается материалистический подход к пониманию гармонии бытия и мышления. Но в действительности ход мыслей молодого Платонова – идеалистичен: «Весь мир должен стать равен человеческой мысли – в этом истина. Вот в чём вся суть» [там же]. Как видно, указанные мысли Платона не потерялись в пучине веков. С восторгом пели те, кто осуждал «линию Платона»: «Мы наш, мы новый мир построим...». И ведь пытались построить. Собственно, социалистический реализм в этом плане был эстетствующей теорией. Но вернёмся к Платону. Главкон, слушая рассуждения Сократа об устройстве и строителях справедливого государства, вопрошал: «Но как именно?» построят такое. Сократ отвечал: «Всех, кому в городе больше десяти лет, они отошлют в деревню, а остальных детей, оградив их от воздействия современных нравов, свойственных родителям, воспитают на свой лад, в тех законах, которые мы разобрали раньше» [7, 354]. Практику такого перевоспитания история литературного творчества являет конкретно: Т. Мор, Т. Кампанелла и др. Но здесь мы уже попадаем в ту область эстетства, которая смыкается с утопическими представлениями. Карл Поппер обстоятельно рассмотрел сущность утопического подхода к истории. При этом известный мыслитель критиковал утопическую инженерию как проекты *переустройства общества в целом*, как проекты существенных преобразований, практические последствия которых трудно предвидеть, опираясь на наш ограниченный опыт. К. Поппер подчёркивает, что «...утопическая попытка достигнуть идеального государства, используя проект общества в целом, требует сильной централизованной власти немногих и чаще всего ведёт к диктатуре» [10, 202]. Впрочем, модифицируя логику К.Поппера, утопический подход можно было бы считать продуктивным, если

принять: во-первых, веру Платона в абсолютный и неизменный идеал; во-вторых, признать реальное бытие самого идеала; в-третьих, рассматривать как реальные наилучшие средства достижения идеала.

С точки зрения философской диалектики позиция Платона и его многочисленных последователей не выдерживает критики истории. Признаем тот факт, что сам Платон был истинным законодателем идеологии коммунистического мирозерцания, что именно он обосновал основное содержание коммунизма и социализма как его иноформы. Реализация любой идеи, требующая порой длительного времени, чревата существенными расхождениями в понимании смысла и цели самими творцами идеи, их последователями, последователями их последователей и т.д. Допустим, что Октябрьскую революцию в России (1917) делали люди, руководствовавшиеся идеалами свободы, равенства, братства и счастья для всех трудящихся. Хотя этого не было в действительности. Но допустим! И хотели революционеры, чтобы насилия, эксплуатации и несправедливости больше не было. Но оказалось, что есть люди, которые этого в России не хотели, тогда пришлось немного отклониться: истребить этих явно и ещё вооруженных «не хотевших». Но тут интеллигенция, поэты, профессора и прочие тоже начали возражать. Ещё немного отклонились, – существенно в ходе репрессий сократив их число. Дальше отклонения стали нормой. Итог: вместо чистого и светлого будущего – феодальная тотальность с ядерным оружием и крах «развитого социализма». Анализируя социально-политическую коммунистическую доктрину Платона, Б. Вышеславцев писал: «...он хотел добра, но не знал, что добро, декретированное с предельной насильственностью, превращается в абсолютное зло. Драма Платона есть драма всего дохристианского и внехристианского мира: драма закона, фарисеизма, безблагодатного законничества» [11, 350]. Тем самым такого рода эстетизм оказался равным утопизму. Понятно, что новое государственное устройство начали, выражаясь словами Платона, «чертить художники по божественному образцу». Художники известны – это верные марксисты-ленинцы; «божественный образец» – своеобразно истолковываемое учение К. Маркса; цель – коммунизм. Перед «просто художниками» – партийными пропагандистами и писателями задача была поставлена чёткая: воспеть идеал, воспеть его вдохновителей и его исполнителей. Глубинная основа коммунизма, как практического действия – Платон и последователи-интерпретаторы его учения о государстве Т. Мор, Т. Кампанелла. Существенные моменты известного нам коммунизма: а) всепроникающее нормирование жизни, поскольку здесь гражданин утверждается законом как скульптура резцом, дабы ничто в теле и душе человека не осталось вне воздействия резца; б) всё концентрируется в руках государства; в) субъективных прав, непроницаемых для коммуны не существует; г) отсутствие демократии и всяческих свобод; д) коммуна организуется сверху «философами-партийцами»; е) коммуна охраняется

стражами; ж) воспитание только коммунистическое (об октябрятах, пионерах и комсомольцах Платон не писал); з) брак и семью Платон упразднил, но и коммунистический режим старательно ослаблял влияние семьи. Труднее всего было решить крестьянский вопрос и самому Платону, и коммунистам. Платон решил оставить им какую-то собственность под контролем стражей. То же сделали и коммунисты.

Вот, собственно, то творческое пространство, реалии которого эстетствующие писатели-утописты и далёкого прошлого, и недавнего прошлого призваны были живописать. Но тождества мышления и бытия не получилось. Утопически мыслимый прообраз оказался очень далёким и недостижимым; литература, которая призвана была осуществить проект социалистического реализма, кроме многократно воспетых благостных изъятий, которые стали метафорами соцреализма, ничего сделать больше не смогла. «Что бы в такой ситуации не читалось, что бы ни усваивалось, какая бы умная и светлая голова не корпела над книжными страницами – результат мог быть только один. «Самая читающая в мире страна» согласно формировала у себя (то есть в индивидуальном и массовом сознании) литературный образ реальности. Оознавала, узнавала и изучала себя по книгам. ...Эта литературоцентрическая тенденция в сознании чрезвычайно начитанного общества с необходимостью вырождалась в новейшую мифологию, чему русская и советская литературы, полные старых и новых мифов и мифологем, отлично способствовали» – утверждает А. Кротков [12, 53].

Выводы

Таким образом, проведенный автором анализ особенностей эстетического и утопического подходов к построению идеала социальной действительности свидетельствует, что существует давняя философско-литературная традиция эстетизма, истоки которой применительно к общественной сфере берут своё начало ещё от утопических представлений Платона о совершенном обществе. В значительной степени эта традиция стала нормативом отечественной литературы, опиравшейся на методы и принципы социалистического реализма в литературе и живописи. Анализ показывает некую филиацию методологических основ литературного творчества в России и в Советском Союзе, значительной и значимой чертой которой являлся литературоцентризм, опять же как эстетизация не существовавшей и несуществующей социальной реальности.

Проведенное исследование продемонстрировало также противоречивость использования понятия реализм в философско-методологическом аспекте, учитывая возможность эстетизации действительности, склонность придавать образам нормативный характер, учитывая свободное или навязанное художнику стремление утверждать некий стандарт социальной идентичности. Так,

действительность приукрашивается, а реальность продуцируется «свободной» фантазией творца образа.

Перспективы дальнейших научных исследований:

- ✓ в осмыслении понятий эстетизм, утопизм, социальная реальность;
- ✓ в раскрытии онтологических и гносеологических оснований реализма в контексте как философских, так и литературно-критических концепций;
- ✓ в изучении оснований критики эстетизма и утопизма.

Источники

1. Краткая литературная энциклопедия. В 8 т. Т.6. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. – 1039 с.
2. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.-Л.: Художественная литература, 1959. – 532 с.
3. Словник української мови. В 11-ти т. – К.: Наук. думка, 1970-1980. – Т.2 (Г-Ж), 1971. – 550 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
5. Українська радянська енциклопедія. У 12 т. – К.: УРЕ, 1977-1985. – Т. 4., 1979. – 560 с.
6. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840с.
7. Платон. Сочинения в 3-х т. – Т.3. Ч.1. – М.: Мысль, 1971. – 687 с.
8. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – Собр. соч.: В 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т.8: – С. 213-418.
9. Платонов А.П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма. – Минск: Мастацька літаратура, 1990. – 702 с.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992. – 448 с.
11. Вышеславцев Б. Парадоксы коммунизма // Путь. – Кн. 1. – М.: Информ-Прогресс, 1992. – С. 349-356.
12. Кротков А. В начале славных дел (литературно-критический взгляд на 20-летие «перестройки») // Литературная учеба. – 2005. – № 3. – С. 50-55.

Стаття надійшла 28.02.2007 р